

Чу Южань погладил тыльную сторону ладони, которую только что задел Вильс. Он был благодарен за то, что тот прислушался к его мнению, но в то же время не мог не восхититься: до чего же приятная на ощупь шерсть! Первый кот Империи — статус оправдан на все сто. Наверняка он первый человек, которому довелось погладить самого Императора. Рука сама потянулась обратно, словно невзначай коснувшись шеи Вильса. Чу Южань прищурился и погладил его еще раз.

Вильс наблюдал за этими осторожными движениями, и в глубине его глаз затаилась улыбка, которую невозможно было скрыть. Он подался вперед, положил голову на грудь Чу Южаню и закрыл глаза. Почувствовав, как человек под ним на несколько секунд напрягся, а затем расслабился и обнял его за голову, Вильс тихо спросил:

— У тебя нет ко мне вопросов?

Чу Южань, продолжая легонько поглаживать шею Вильса, немного помолчал, а потом отозвался:

— Расскажи о том, что было раньше. О нашей помолвке.

В комнате стало темно, свет погасили, и Чу Южань видел лишь темный силуэт Вильса, контуры которого едва угадывались, что помогло ему немного расслабиться.

В темноте голос Вильса звучал необычайно мягко, низко и притягательно. Он не спеша, ровным тоном начал рассказывать:

— Десять лет назад Империю терзали внутренние и внешние беды. Мои брат и невестка погибли во время покушения, когда вели переговоры с Империей Крипс. Чтобы дать мне время окрепнуть, они, оказавшись в безвыходном положении, решили взорвать свои Кристаллические ядра. «Армия Свободы» воспользовалась моментом и подняла мятеж. Твой дед, Карса, и весь его род отдали все силы, чтобы помочь мне вернуть военный контроль над левым сектором. Умирая, он оставил завещание: защитить тебя, а когда достигнешь совершеннолетия — взять тебя в мужа.

Герцог Карса также добавил: если между ними не будет чувств, то пусть даст Чу Южаню свободу и просто обеспечит ему мирную и безопасную жизнь. Ведь тогда герцог уже видел, что Вильс не питает симпатии к Чу Южаню, который был младше его на десяток лет, а сам Чу Южань при виде Вильса испытывал такой страх, что был готов сжаться в комок, лишь бы его не заметили. Однако эту часть слов Вильс предпочел забыть.

Чу Южань поглаживал шею Вильса и не знал, что ответить.

Вильс лениво потерся о грудь под собой, чувствуя, как Чу Южань снова напрягся. Он с трудом сдержался, чтобы не пошевелиться, и продолжил:

— Шесть лет назад, перед смертью, твои родители просили меня забрать тебя во дворец. К сожалению, до того как мои люди успели добраться до тебя, ты поссорился с отцом и сбежал из дома. Мы нашли лишь обломки флаера, а твой след простыл. То, что тебя нашел учитель,

было чистой случайностью.

— Почему я поссорился с семьей? — Чу Южань инстинктивно ухватился за главное и, сам того не осознавая, вцепился в ухо Вильса. Он был взволнован: это могло быть важной зацепкой в деле о гибели прежнего владельца тела, и в будущем ему стоило бы это предотвратить.

Вильс, застигнутый врасплох прикосновением к чувствительному месту, замер.

Чу Южань осознал, что сделал, извиняюще погладил шею большого кота и осторожно подул на ухо:

— Прости, я сделал тебе больно.

Вильс глубоко вздохнул. Его задели за оба чувствительных места, и теперь он чувствовал странное возбуждение, хотелось прижать этого мучительного маленького пушистого комочка к себе и как следует проучить. Дыхание сбилось, между ними разлилось неясное, тягучее чувство. Чу Южань, чувствительный к переменам, решил, что причинил боль, и, извиняясь, послушно замер, не смея больше ни к чему прикасаться.

Вильсу оставалось лишь уткнуться головой в объятия Чу Южаня, вдыхая его уникальный свежий аромат, чтобы успокоиться. Когда Чу Южань был уже на грани сна, он спросил, сам не понимая, смеяться или плакать:

— Такие вещи ты спрашиваешь у меня?

Чу Южань и сам понимал, что спрашивать об этом других — не лучшая идея, а сам он все равно ничего не мог вспомнить, поэтому решил не ломать голову. Спросонья он задал самый важный вопрос:

— Ты хорошо ко мне относишься из-за того обещания?

Вильс на этот раз ответил коротко:

— Нет.

— Хм?

— Ты просто глупенький.

Чу Южань в полудреме подумал: можно ли считать это везением дурака? Он не боролся, не интриговал, не пытался выделиться, и все же удостоился внимания самого Императора, в то время как другие, лезущие из кожи вон, чтобы добиться успеха, проигрывали только потому, что были недостаточно глупы? Похоже, и то, и другое — довольно печально.

Видя, что Чу Южань уснул, Вильс про себя вздохнул: и правда, глуп до беспамятства. Он притянул одеяло, укрыл Чу Южана, лег рядом и, прижавшись головой к его шее, закрыл глаза.

Посреди ночи Чу Южань почувствовал рядом что-то теплое и пушистое, принял это за большого Дило, не раздумывая, закинул ногу на поясницу, обнял за шею и крепко чмокнул, подумав: эх, вредный пушистый комочек, только во сне и можно потискать.

Поцеловав, он вдруг почувствовал что-то неладное. Размер... какой-то огромный...

И тогда... он решил притвориться мертвым.

В темноте раздался тихий смешок, Чу Южань почувствовал, как его лизнули в уголок рта, и, покраснев, продолжил играть в «мертвого».

Тем временем в следственном изоляторе для особо опасных преступников.

Линд, одетый во все черное, воспользовался ночной темнотой, кивнул охране и наконец встретился с заключенным Цяоси.

Цяоси, всегда такой высокомерный, теперь выглядел изможденным, хотя был чист — по крайней мере, никто не осмеливался его обижать. Увидев отца, он радостно вцепился в решетку окна и закричал:

— Отец! Спаси меня! Отец, я не хочу здесь оставаться, вытащи меня отсюда!

Здесь он не мог собрать ни капли ментальной энергии, целыми днями чувствовал себя разбитым, а бесконечные допросы сводили его с ума. Для того, кто с детства рос в роскоши, это было невыносимо.

Солдат открыл дверь камеры и смущенно сказал:

— Учитель Линд, я могу дать вам только пять минут. Больше я не могу, мне будет трудно оправдаться.

Линд искренне поблагодарил его, а когда дверь закрылась, с досадой посмотрел на Цяоси и в сердцах выругался:

— Непутевый! Ты хочешь погубить всю нашу семью? Ты хоть понимаешь, кто такой Дило?!

Цяоси с ненавистью сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, оставив красные следы:

— Это все Чу Южань подстроил! Этот подлец! Отец, ты должен заступиться за меня, он ведет себя так нагло только потому, что опирается на Чу Хунъюя! Я знаю, что ты...

— Замолчи! — Линд отвесил Цяоси звонкую пощечину. В его глазах, смотрящих на сына, сквозило отчаяние.

— Отец, ты... ты ударил меня... ты правда ударил меня... — Цяоси с недоверием смотрел на Линда, не веря, что самый любящий его отец поднял на него руку.

Линд смотрел на жалкий вид сына и втайне раскаивался. Он сам виноват: раз Цяоси — омега, он баловал его с детства, не ожидая, что вырастит безмозглого дурака. Он сердито отчитал его:

— Ревновать не грех, плести интриги — тоже, но ты должен был знать, кого нельзя трогать! Ты даже не удосужился узнать, кто он такой, и рискнул провернуть такую грязную аферу! Ты погубишь нас всех! Твоего брата уже перевели на границу, он должен немедленно отправиться туда для обороны. Ты понимаешь, что если начнется война, он окажется на передовой?!

Цяоси тупо смотрел на отца. Он же просто хотел проучить Чу Южаня, как все дошло до такого?

— Глупец! Тебя использовали как пешку, а ты даже не понял! — Линд схватил сына за плечи и, глядя ему в глаза, рявкнул: — Кого ты защищаешь? Кто заставил тебя взять вину на себя?

Цяоси, ошеломленный грубостью отца, закрыл лицо руками, сквозь пальцы потекли слезы:

— Я не знаю... все было как во сне. Я не помню, когда рассыпал то стекло, я даже не могу вспомнить лица того, кто мне это подсказал! Отец, спаси меня! Ты должен спасти меня!

Линд с отвращением оттолкнул сына. Как он мог вырастить такого идиота? Его подвергли ментальному внушению, а он даже не заметил! Теперь остается лишь надеяться, что Император проявит милосердие, когда дело дойдет до Чу Южаня.

Утром Чу Южань проснулся в полном замешательстве. Он молча отстранился от потрясающе приятного на ощупь большого кота, осторожно убрал ногу и, глядя на то, как тот сладко спит, застыл на пять секунд, а потом сглотнул. Он — первый человек, который использовал Императора как подушку, он точно станет величайшим героем Империи.

Глядя на безмятежное спящее лицо большого кота, Чу Южань вспомнил вчерашние слова: «Потому что ты самый глупый». Уголки его губ сами собой поползли вверх. Взгляд снова упал на круглые ушки, и он, не удержавшись, ткнул в одно из них пальцем. Реакции не последовало, и он осторожно потер кончиком пальца мягкую шерстку. Ухо слегка дрогнуло, и Чу Южань почувствовал, как в сердце что-то кольнуло. Сделав глубокий вдох, он поспешно убрал руку — еще немного, и он не сдержался бы и начал теревить уши Императора обеими руками.

Это слишком невежливо, нужно терпеть!

Как раз когда Чу Южань предавался этим мыслям, большой кот медленно открыл глаза, обнажив взгляд, полный смешинок. Застигнутый врасплох Чу Южань мгновенно смутился...

Комната была пропитана двусмысленностью, двое лежали на одной подушке, глядя друг на друга.

Чу Южань мысленно настраивал себя: подумаешь, погладил уши, он имел на это полное право! Помолвку уже точно не расторгнуть, так что лучше подумать, как жить дальше. Сейчас он не чувствовал к большому коту любви, максимум — симпатию. И чувства кота к нему вряд ли были любовью, скорее симпатией или чувством ответственности.

Да, их отношения были предельно простыми, ничем не отличались от свидания вслепую, где двое пытаются притереться друг к другу. Так что уши гладить можно!

Вильс с улыбкой наблюдал, как в глазах его соседа по кровати мелькают мысли. Ясные, чистые глаза, подернутые дымкой сна, уголки глаз, изогнутые, словно крючки — все это создавало образ ленивой утренней неги. Вильс подался вперед и лизнул Чу Южана в покрасневший уголок глаза, его золотистые глаза постепенно потемнели.

Язык кошачьих покрыт жесткими сосочками, это не было больно, но ощущения были непривычно острыми. Чу Южань моргнул и инстинктивно потянулся к тому месту, где его лизнули, но не успел среагировать: большой кот, нависший над ним, внезапно принял человеческий облик, и его рот был перекрыт. Жаркий поцелуй, пропитанный желанием обладания, лишил Чу Южана, омегу, всякой способности к сопротивлению.

Их ментальная энергия переплелась, заставив тело отозваться электрическими разрядами. Чу Южань не знал, как реагировать, из горла невольно вырвался тихий стон, что лишь побудило Вильса углубить поцелуй.

Чуть позже Вильс обнял Чу Южана за талию, притянув к себе, и, глядя на то, как тот тяжело дышит, ласково погладил его по лицу. Уголки губ Вильса были слегка приподняты в выражении полного удовлетворения.

Чу Южань почувствовал щекотку, его неопытное тело совсем не могло выдержать такой ласки, и он поспешно перехватил блуждающую руку:

— Не двигайся!

Голос, пропитанный страстью, звучал хрипло и еще более вызывающе. Чу Южань беспомощно прикрыл лицо ладонями. С первого же контакта — и так бурно! Только что он рассуждал о чистоте их отношений, а теперь чувствовал, как пылают щеки. Более того, он не хотел сопротивляться, принимая все как должное — действительно, «чистота» в чистом виде!

Вильс, видя, как он съежился, тихо рассмеялся, ткнул Чу Южана в лоб и прошептал:

— Когда мы устроим свадьбу?

— Что? — Чу Южань поднял голову, посмотрел на красивый профиль собеседника и смущенно ответил: — Может, повременим с этим?

Его психологический возраст был вполне зрелым, он хотел просто спокойной жизни, где двое понимают и поддерживают друг друга. Вильс был идеальным кандидатом: надежный, уравновешенный, не суетливый. Но его статус был слишком высок. Если они будут вместе, на плечи ляжет бремя обязанностей Королевы-консорты, и он уже не сможет жить так беззаботно. Он хотел избежать такой жизни.

Получив отказ, Вильс понял, что поторопился. Чу Южань был первым омегой, который заставил его сердце биться быстрее, и он не должен был действовать так опрометчиво. К тому же, тот, кто был в его объятиях, только что достиг совершеннолетия, наверняка он еще мечтает о романтике. Он потрепал Чу Южаня по волосам, словно гладил мягкий пушистый комочек, очень осторожно. Чу Южань чувствовал себя маленьким цыпленком, которого нежно держат в ладонях.

— Я обязательно докажу, что достоин тебя, — серьезно сказал Вильс.

Чу Южань нахмурился: ему показалось, что тот что-то не так понял.

Дило, прибежавший утром искать Чу Южаня, обнаружил, что учитель спит с его «глупым дядей», и, виляя хвостом, ушел. Учитель спал в объятиях дяди, а дядя еще и без одежды... Учитель обязан нести ответственность за дядю, тогда учитель станет членом их семьи, и никто больше не посмеет на него претендовать.

После завтрака Вильс приподнял племянника за живот, намекая, что тот снова поправился, успешно довел его до состояния «взъерошенного кота» и, подавив его возмущение, наконец нашел момент, чтобы обнять Чу Южаня за талию. Встретив его удивленный взгляд, он с серьезным лицом произнес:

— Я подписал приговор Цяоси. Взгляни.

Вильс, учитывая просьбу Чу Южаня, снял с Цяоси обвинение в покушении на потомство Императорской семьи, заменив его на «неуважение к Королеве-консорту», сохранил ему жизнь, но выслал с Имперской звезды с запретом когда-либо возвращаться.

Тот, кто внушил Цяоси мысли, также вызвал подозрение у Вильса, и, хотя Цяоси не смог назвать имя, Вильс не собирался оставлять это дело и приказал провести тщательное расследование.

Чу Южань быстро прочитал документ и с любопытством спросил:

— И это все?

— Дальнейшие допросы ничего не дадут, лучше будет, если ты окажешь услугу Линду, — Вильс не скрывал своих намерений. — Я делаю это только потому, что балую тебя.

Чу Южань почувствовал, как его талия оказалась в плену, и, не имея возможности увернуться, безмолвно смотрел на человека перед собой. Можно ли не говорить такие приторные вещи с таким серьезным видом? И что значит — он подается лицом вперед?

Видя, что Чу Южань бездействует, Вильс вздохнул и с ноткой пренебрежения в ласковом голосе сказал:

— Как омега, ты должен в первую очередь научиться кокетничать, какой же ты бестолковый.

Чу Южань:

— ...Как кокетничать?

Вильс одарил его взглядом в духе «мне еще и учить тебя нужно?», притянул за затылок и прижал губы к его щеке:

— Вот так!

Чу Южань, глядя в его открытые, честные глаза, застыл секунд на десять, а потом вдруг прыснул со смеху. Дило такой вредный, кто бы мог подумать, что дядя такой прямолинейный. Эта парочка дяди и племянника была просто очаровательна.

Вильс, видя, что тот не только не противится, но и смеется, улыбнулся и легкой походкой ушел.

Когда он уже был у двери, Чу Южань внезапно бросился за ним:

— Виль!

Вильс обернулся и молча посмотрел на него.

— Я хочу знать о своем прошлом, ты можешь помочь мне разузнать?

Уголки губ Вильса едва заметно дрогнули. Доверие партнера — лучшее подтверждение его статуса. Получив желаемое, Император вполне естественно кивнул: все, что просит маленький пушистый комочек, он исполнит.

Чу Южань с улыбкой проводил его, затем нашел Дило, который забился в шкаф и обиженно дулся, чтобы отвести его на занятия. Рана на спине чудесным образом зажила на второй день, и, чтобы не давать детям повода снова устраивать драки, Чу Южань решил вернуться в класс — присматривать за этой оравой пушистых малышей!

Детский сектор, Класс 9-Малый.

Дети, которых Хар привез в класс на тележке, еще не успев выйти, дружно задвигали носиками. Как вкусно! (▽`)

Возле невысокого круглого стола в центре двора стоял молодой человек с серыми волосами и серыми глазами, красивый, с солнечно-доброй улыбкой. Хар недоуменно смотрел на него: что учитель из военной академии забыл в детском секторе?

В руках у Элтона была коробка с изображением аппетитного торта, цвет которого вызывал слюнки. В сочетании с нежным ароматом неудивительно, что дети выглядели как маленькие голодные котята.

Увидев, что Хар с детьми вернулись, Элтон поставил коробку на стол, вежливо кивнул и сказал:

— Пожалуйста, передайте Южаню, это его любимый десерт.

Хар поспешно взял коробку и, глядя в спину уходящему учителю, вздохнул: у учителя Чу есть жених, почему все так не могут смириться с этим?

Дети проявили огромный интерес к принесенному тарту. Пока Хар отвлекся, чтобы налить им воды, маленький хомяк Вик первым подбежал, поковырял торт лапкой и, испачкавшись в креме, слизал его.

Остальные напряженно наблюдали: вкусно?

Вик округлил свои глазки: вкусно!

Тогда пушистые комочки, переглянувшись, дружно протянули лапки, аккуратно разорвали упаковку и принялись делить торт. Когда Хар вернулся, у каждого в лапках было по куску, они ели с огромным удовольствием. У Цзими под лапкой лежал еще один кусок, видимо, для Дило, и он грозно рычал на любого, кто пытался приблизиться, проявляя недюжинную защиту еды — в такие моменты он совсем не был похож на омегу.

Учитель Хар в ужасе застыл на месте: подарок для учителя Чу съели... съели... съели... Однажды одному аристократу подарили подарок для учителя Чу, опрысканный афродизиакoм, так что если этот торт...

Учитель Хар оцепенел от страха: учитель Чу, скорее спасай нас! Что если в нем отравы?!

Чу Южань пришел в класс и увидел, что учитель Хар стоит как громом пораженный.

Войдя, он сразу почувствовал тонкий аромат: это был торт из слоеного теста с планеты Чило, недалеко от того места, где он учился, и он его просто обожал. Такие торты делали вручную, продавали всего по триста штук в день, и за ними выстраивались огромные очереди, даже аристократы не были исключением.

— Как вкусно пахнет, кто принес торт? — спросил Чу Южань, тыча учителя Хара в спину. Почему он с самого утра такой рассеянный?

— Учитель Чу?! — радостно воскликнул Хар, но тут же был оттеснен детьми. Все малыши окружили Чу Южана, беспрестанно обнюхивая его. Сильный запах незнакомого альфы, исходящий от него, заставлял их колебаться: стоит ли прыгать на него и тереться?

Дило, сделав круг по двору и убедившись, что нет опасных камней, вернулся в класс. Увидев, что пушистые малыши крутятся вокруг «его» учителя, он запрыгнул на стол и с пренебрежением бросил:

— Глупые!

Арчер и Кали мгновенно объединились и, набросившись, начали молотить Дило лапами.

Дило свысока отвесил им пару оплеух, действуя очень быстро, и не остался в долгу:

— Вы, кучка идиотов! Учитель спал с глупым дядей, вы что, не боитесь, что ваши носы провоняют?!

Чу Южань:

— ...Дило!

Дило, не желая сдаваться, задрал нос:

— Я видел, ты спал с глупым дядей, у-у-у...

Чу Южань зажал рот этому сорванцу. Он не знал, что именно увидел этот бесшумный ребенок, но тот был готов сболтнуть что угодно. Остальные дети смотрели с недоумением, не понимая, о чем речь, а Хар покраснел так, что стал еще застенчивее самого Чу Южана, явно додумав себе много лишнего.

<http://bllate.org/book/22528/2379487>